

Литературный факт. 2026. № 2 (40)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 2 (40), 2026

Научная статья
УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-129-147>

<https://elibrary.ru/WLZPBE>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 2 (40), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Отражение реалий российского судопроизводства в романах Ф.В. Булгарина

© 2026, Н.Н. Акимова

Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье рассматривается литературное преломление в романах Ф.В. Булгарина автобиографических реалий, связанных с его участием в семейном судебном процессе. Накопленный за годы многолетней тяжбы опыт позволил Булгарину показать сам механизм судопроизводства в дореформенной России. В своем первом нравственно-сатирическом романе «Иван Выжигин» он еще во многом опирается на сатирические традиции русской и европейской просветительской литературы, в дальнейшем, в жанре романа-фельетона, Булгарин подвергает более сложному анализу российскую систему правосудия — сравнительному с европейской, доказывая необходимость адвокатуры как обязательного элемента состязательного судебного процесса.

Ключевые слова: Ф.В. Булгарин, история русской литературы XIX в., нравственно-сатирический роман, роман-фельетон, судопроизводство, судебный процесс.

Информация об авторе: Наталья Николаевна Акимова — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой гуманитарных и философских наук, Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина, Университетская наб., д. 17, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-2195-5903>

E-mail: akimova_natalia@inbox.ru

Для цитирования: Акимова Н.Н. Отражение реалий российского судопроизводства в романах Ф.В. Булгарина // Литературный факт. 2026. № 2 (40). С. 129–147. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-129-147>

Романы Ф.В. Булгарина, рисовавшие широкую картину нравов российской действительности, учитывали и его биографические

обстоятельства. Во-первых, ни один из пяти нравоописательных романов не обошелся без обращения к теме сиротства и, как следствие, — к сопровождавшим сироту судебным процессам, связанным с получением наследства и деятельностью опекунов. Во-вторых, источником одного из значительных сюжетных планов, связанного с изображением судопроизводства, стал полученный за годы участия в многолетнем судебном процессе опыт, дающий непосредственное знание механизма российской системы правосудия¹.

Булгаринское критическое описание российского судопроизводства продолжало сложившуюся литературную традицию, восходящую к хорошо известным (в том числе благодаря многочисленным лубочным изданиям) древнерусским сатирическим повестям о несправедливой судебной системе «Повесть о Ерше Ершовиче» (XVI в.) и «Повесть о Шемякином суде». Последняя сохранилась в рукописях XVII и XVIII вв. в разных стихотворных и прозаических вариантах. Обе повести были широко известны по лубочным картинкам. Сравнительно-исторические исследования свидетельствуют о сюжетных параллелях «Повести о Шемякином суде» в восточных и западных литературах. Так, Н.С. Тихонравов указал на польские источники, среди которых популярная повесть «Похождения нового увеселительного шута и великого в делах любовных плута Совест-Драла, большого носа» (рус. перевод: СПб., 1774), а также анекдот об обвиняемом, “*co sądziemu kamień ukazawał*” (который судье камень показывал), из стихотворного переложения фольклорных рассказов “*Figliki*” («Фиглики», 1574) известного польского писателя М. Рея [8, с. 310–313].

Среди непосредственных литературных предшественников Булгарина — сатирические произведения XVIII столетия: критика судебных злоупотреблений — одна из постоянных тем сатирических обличений и нравоучений просветительской литературы XVIII в. (см.: сатиры Антиоха Кантемира и А.П. Сумарокова «О худых судьях», «Другой хор ко превратному свету»). Неслучайно Булгарин назвал их в качестве таковых в предисловии к своему первому роману «Иван Выжигин», особенно выделив комедию Н.Р. Судовщикова «Неслыханное диво, или Честный секретарь» (1802; премьера состоялась в Петербурге в апреле 1809 г.; под названием «Великодушный секретарь» комедия шла на сцене до 1822 г.) и «Ябеду» (1798) В.В. Капниста. Подобно булгаринским романам, в основу комедии Капниста была положена история многолетней судебной тяжбы

¹ См. об этом статью А.И. Рейтблата в настоящем номере «Литературного факта».

с помещицей, незаконно претендовавшей на имение его матери. Благодаря знанию автором деталей судебного механизма обличаемые в «Ябеде» судебный произвол и взяточничество предстали не как уклонение от нормы «дворян злонравных», а как общественное зло, явление, определяющее состояние всего судопроизводства в России.

Очевидной опорой послужила Булгарину и польская просветительская литература, хорошо знакомая ему во многом благодаря шубравскому опыту. Для шубравской литературной практики характерно сатирическое начало: исправление нравственных пороков, социальных злоупотреблений польской шляхты, внимание к темам бюрократического и судебно-юридического произвола, мздоимства и проч. Литературным авторитетом для шубравцев служил И. Красицкий. Необходимость правовой и судебной реформы в Польше — болевая точка его сатиры: сюжетная история тяжбы главного героя романа “Mikołaja Doswiadczyńskiego przypadki” («Приключения Николая Досвядчинского»; 1776) с соседом (Ч. 1, гл. X–XIII) содержит критическое описание судебных порядков, взяточничества и неправосудия. Завершение странствий героя после выигранного судебного дела, разочарование в государственной службе и, как итог, покой, обретенный в семье и своем хозяйстве, предвосхищают финал «Ивана Выжигина». Востребована в булгаринском романе и характерная особенность романа Красицкого “Pan Podstoli” («Пан Подстолий»; 1778–1784) — опора на материал конкретной национальной действительности, проявлением которой, по мнению исследователей, оказывается, несмотря на стремление к типизации, наличие у персонажей узнаваемых прототипов².

1

«Иван Выжигин» писался с 1825 по 1829 г.³, в самый разгар тяжёлого дела о наследстве Антония Жуковского, в котором участвовал Булгарин. Полученный опыт нашел непосредственное отражение в романе, который завершался получением главным героем наследства от отца князя Милославского после окончания судебной тяжбы. «Если б я гневался на моих читателей и хотел наказать их, то описал бы подробно, в нескольких томах, ход моего процесса, который в не-

² О влиянии просветительских романов Красицкого на «Ивана Выжигина» см.: [7; 9; 5, с. 34, 148; 3, с. 44–45; 4].

³ Первая журнальная публикация отрывка из романа появилась в 1825 г.: Ф. Б. [Булгарин Ф. В.] Иван Выжигин, или Русский Жилбаз: (Отрывок из нового романа) // Северный архив. 1825. № 9. С. 67–88. Отдельное издание: Булгарин Ф. В. Иван Выжигин: нравственно-сатирический роман: в 4 ч. СПб.: В тип. вдовы Плюшар, 1829.

сколько месяцев чуть не вогнал меня в чахотку, а читателей моих, верно бы, заставил бросить книгу»⁴, — заявляет в последней главе главный герой, от лица которого ведется повествование. Несмотря на это сюжетная канва «Ивана Выжигина» включает 6 тяжёбных историй — 5 из них связаны с получением наследства, почти в половине глав (в 16-ти из 33-х) речь идет о состоянии судебной и исполнительной властей в Российской империи.

Преимущественное внимание уделено состоянию дел на присоединенных польско-литовских (а точнее, белорусских) территориях. Уже в начале романа при знакомстве с нравами в белорусском имении пана Гологордовского, где живет сирота Ванька, читатель узнает примечательную особенность: к числу главных служителей принадлежит «поверенный, или пленипотент, по тяжёбным делам, которых по разным судам всегда было налицо две или три дюжины. <...> У него не было ни правого, ни виновного, ни белого, ни черного. Законы он почитал словами, которых сила зависит от истолкования их в левую или в правую сторону» (с. 5, 9). Сюжетная судьба Гологордовского завершится специфичным для судебной практики, применявшейся на этих землях, решением — эксдивизией (от *лат. ex-divisio* — из деления), или разделом имения между кредиторами, на основании литовских законов, после банкротства. Дело в том, что за присоединенными к Российской империи Литвой и Курляндией манифестом от 15 (27) апреля 1795 г. закреплялись прежние привилегии и право пользоваться традиционным законодательством, Литовским Статутом, принятым в 1588 г. Взыскание долгов, осуществлялось в соответствии с не прописанным в Статуте термином «традиция». На практике в белорусском крае до середины XIX в. разделом недвижимости неплатежеспособного должника занимались временные эксдивизорские суды; по эксдивизии имение должника поступало для раздела между всеми кредиторами пропорционально их долговым претензиям по специальной оценке, произведенной на основании сведений о доходности поместья (см.: [2]). Об этой процедуре подробно рассказывает в письме Выжигину зять Гологордовского, Миловидин:

Займодавцы выбрали от себя судей, или арбитров, из окрестных дворян, предоставляя тестю моему законное право выбрать судей также с своей стороны. Кроме того, составили канцелярию

⁴ Полн. собр. соч. Фаддея Булгарина: Новое, сжатое (компактное), исправленное и умноженное: в 7 т. СПб.: В тип. Н. Греча, [1839]. Т. 1: Иван Выжигин. С. 235. Далее при ссылках на это издание в тексте в круглых скобках указываются страницы.

из нескольких регентов, или секретарей и писцов, и каждая сторона выбрала себе адвоката. Имение взято в заведование суда, но только на бумаге, а отдано в управление теще моей, которая за внесенное в дом приданое и по векселям, данным ей накануне банкротства, была также кредиторкою своего мужа. В назначенный срок съехались судьи, регенты и адвокаты, каждый с своими людьми, лошадьми, собаками. Всех должно было кормить и угощать на счет имения, принадлежащего кредиторам. Дело тянулось чрезвычайно долго, потому что судьям и канцелярии приятно было жить на чужой счет, в веселом обществе. Г Гологордовский, чтоб привлечь судей на свою сторону, угощал их великолепно (на счет кредиторов), созвал на время эксдивизии всех своих родственников, у которых были прекрасные дочери, давал балы, охотился и жил веселее прежнего. <...> Наконец, по истечении двух с половиною лет, кончилась эксдивизия. Имение разделили на плане, как шахматную доску, и участки раздали кредиторам по мере их претензий. <...> Тесть мой сделался гораздо богаче после эксдивизии, нежели как был прежде, потому что получил самую лучшую часть имения, а бесплодную землю и малым пожертвованием уплатил долги, вдвое превышавшие имение. Кредиторы же, уплатив проценты с долга судьям, жалованье канцелярии, адвокатам, за помер земли землемерам и казенные пошлины с приобретенных участков, вовсе разорились. Некоторые даже вовсе отrekliсь от своих требований, чтоб избавиться от издержек, вдвое превышающих долг (с. 180–181).

Булгарин расширяет картину общественного неблагополучия типичным для структуры плутовского и восходящего к нему нравоописательного романа приемом — перемещением героя, чья сюжетная судьба подчинена случаю, в социальном пространстве. Оказавшийся в Слониме на попечении Мовши малолетний Выжигин становится свидетелем встречи в его доме покидающего свое место прокурора Скотинко с заступающим на его место преемником Плутяговичем. Это дает возможность ввести в роман разоблачительную характеристику прокурорской деятельности. Прототипом прокурора Скотинко был виленский губернский прокурор (в 1817–1831 гг.) И.О. Ботвинко (1779 – после 1831); в 1823–1825 гг. член комиссии по расследованию политических дел филоматов и филаретов в Виленской губернии. В своих агентурных записках в III отделение Булгарин не раз резко отрицательно отзывался о нем⁵. Так, в одной из записок (1827),

⁵ См.: [1: По указ. имен].

в которой он стремится привлечь внимание к уголовному деянию Ботвинко (желая завладеть наследством своей племянницы, Ботвинко выдал ее за крепостную и добился ее ссылки в Сибирь), Булгарин писал: «Ботвинко ворочал целою Виленскою губерниею, брал со всех деньги и заставлял молчать, страдая доносами политическими. Он составил себе огромное имение и успел заслужить всеобщую ненависть и внушить ужас» [1, с. 152–153]. Напутствующий нового прокурора Мовша говорит тому, что за годы своей службы Скотинко «напрокурорил себе» значительное богатство, и советует взять в помощники «жида Ицку», который был фактором у Скотинко: он «станет отыскивать просителей, уговариваться с уездными чиновниками и брать для вас деньги взаймы. Разумеется, без векселя и расписки» (с. 33). О прототипе этого персонажа Булгарин писал М.Я. Фоку: «В Вильне есть жид Ицко Пилинкер, он был прежде извозчиком, понравился прокурору и взят в факторы. Все, имеющие нужду во всемогущем прокуроре, являются к Ицке, торгуются, дают деньги и получают желаемое» [1, с. 174].

Однако картина судебного неустройства, произвола и коррупции в романе оказывается значительно шире, она охватывает не только белорусские земли, при этом Булгарин стремится соблюсти своеобразный баланс «света и тени». Так, рассказу в XI главе коррумпированного оренбургского капитана-исправника Саввы Саввича, жалующегося на исчезающие источники дохода от взыскания казенных недоимок и частных долгов, от описей имений и дворянских опеки, повторяя: «Худые времена, худые времена! просвещение, юстиция; а денег нет как нет!» (с. 58), противопоставляется подробное описание в XVIII главе деятельности другого провинциального капитана-исправника — неподкупного и честного Штыкова. Провинциальным таможенным чиновникам-мздоимцам и подьячим, торжественно провозглашающим на званом обеде, что «Вся мудрость человеческая выписана на голландском червонце. Вся латынь <...> не стоит одной этой надписи: “Concordia res parvae crescunt”, сиречь: *согласием вещи держатся*. Это означает, что если господа судьи хотят иметь червончики, то должны жить мирно, согласно, решать дела единодушно и слушать секретаря. Ведь кавалер-то, изображенный на червонце, есть не кто иной, как секретарь, а пук стрел в руке его означает то, что он должен всех судей и все дела держать в руках⁶!» (с. 110), — противостоит просвещенный подкоморий

⁶ Секретарь в романе дает вольную трактовку изображению на голландском червонце русской чеканки, с возможной датировкой 1768–1806 гг.; в качестве круговой легенды на нем чеканилась латинская фраза из Саллюстия (в переводе: «в единении — сила»);

(в Польше и Литве судья по спорам о границах имений) Почтивский, при котором в имении уже не было — «ни пленипотента, ни комиссара, ни жида-поверенного <...> ни долгов, ни процессов» (с. 182). И хотя в финале романа честные и неподкупные будут вознаграждены (к примеру, Штыков, по протекции Виртутина, станет губернатором), тем не менее, представленная в романе галерея различных видов судебно-исполнительного произвола и мздоимства, когда «делами ворочают приказные», по словам Штыкова, «особая порода на святой Руси» (с. 111), поразила читателей булгаринского романа: у одних вызвав одобрение⁷, а других — заставив жаловаться⁸.

В своем первом романе Булгарин рассказал о способах, какими можно лишиться наследства или честного имени. Такова история Миловидина (в XVI главе), из-за происков экономки лишенного по суду дядиного наследства. Предводитель кочевого народа Арсалан-султан поведает Выжигину о том, что только его энергичное заступничество позволило решить наследственный процесс в Петербурге дочери флотского комиссара Софии (будущей жены Арсалана) в ее пользу, поскольку дело находилось у «сладострастного старишки, который, увидев Софию, предложил ей бесчестьем купить выгодный приговор» (с. 76). «Кстати о правосудии, — заключает Арсалан. — В ваших судах одни — играют в жмурки и наугад ловят правого или виноватого, а другие — продают правосудие на вес, как лекарство в аптеках, по рецептам секретарей и подьячих» (с. 74–75). Из рассказа Анны Львовны герои узнают, что она вынуждена была выйти замуж за «удалого помещика Глаздурина», чтобы спасти воспитавшую ее тетюшку от разорения, после того как, получив в наследство векселя ее покойного мужа, Глаздуриным представил их к взысканию — после замужества «векселя были уничтожены» (с. 133). Дело о клевете и гонениях на Виртутина завершилось лишь спустя годы справедливым решением и восстановлением его честного имени.

Однако если эти судебные истории, являясь вставными рассказами, образуют побочные сюжетные линии, то судебные процессы,

на аверсе был изображен воин, одетый в панцирь и шлем, держащий в правой руке меч, а в левой — перевязанный лентой пучок стрел (их число в оригинальной монете означало количество входящих в Нидерланды провинций), поэтому в народе червонец называли «пучковым».

⁷ Так, О.А. Пржецлавский считал, что роман принес «громадную пользу, смело, и не аллегорически, а наглядно» изобличая существующее положение вещей; он имел непосредственный социальный эффект, поскольку «остановил карьеру» многих выведенных в романе лиц [6, с. 457].

⁸ См., к примеру, жалобу на это обстоятельство в письме (1832) В.А. Жуковского к А.Х. Бенкендорфу (Русский архив. 1896. № 1. С. 116).

связанные с получением наследства главным героем и его возлюбленной Груней, получают не только более весомое сюжетное значение, но и обнаруживают изрядную авторскую осведомленность в юридических особенностях подобных процессов.

Важный сюжетный поворот — отъезд Выжигина в Оренбург и его дальнейшие приключения в киргиз-кайсацкой степи — спровоцирован открывшейся тяжбой о полумиллионном наследстве Груниного дяди (двоюродного брата ее покойного отца), умершего в Оренбурге. Выжигин решает отправиться за Груней, жениться на ней и, если ее мать не захотела бы отдать им наследства, то «требовать своей части судебным порядком», поскольку «Груня, по отцу своему, была настоящею наследницей» (с. 50). По российскому законодательству Груня относилась к боковой линии родственного союза, имевшего влияние на открытие наследства; в случае смерти бездетного родственника «ближайшее право к наследству в боковых линиях имеют: братья и их нисходящие...»⁹ — таким образом, Груня, а не ее мать, принадлежала к этим «нисходящим» от брата умершего. Однако Груня так и не получила своего наследства из-за процесса, выигранного неожиданно появившимися наследниками: «...полдюжины воспитанниц с духовным завещанием, написанным законным образом, при свидетелях. Имение было нажитое, то есть приобретенное самим дядею, а потому и спорить было бы бесполезно» (с. 161). Духовное завещание в российском законодательстве было официальным письменным документом, содержащим распоряжение лица о своем имуществе на случай смерти; оно могло быть нотариальным, совершенным в присутствии самого завещателя и трех свидетелей, или домашним, подписанным свидетелями. Русское право ограничивало завещательные распоряжения только родом имущества. Согласно гражданскому законодательству, каждый мог распорядиться свободно тем, что сам приобрел; но унаследованное недвижимое имущество, оставшееся после смерти, должно было поступить в пользу его законных наследников. Эта коллизия, связанная с различием в наследовании благоприобретенного и родового (унаследованного) имения или имущества, была краеугольным камнем в деле о наследстве Жуковского: сделанный М.М. Сперанским на этом акцент во время рассмотрения тяжбы в Государственном совете¹⁰, давал шансы на благоприятный исход стороне Булгарина, в романе же это обстоятельство сыграло роковую роль для Груни,

⁹ См.: *Неволин К.А.* Полн. собр. соч.: в 5 т. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1857–1859. Т. 3. С. 388–389; Т. 5. С. 433.

¹⁰ См.: Архив Государственного совета. СПб., 1897. Т. 4. Стб. 435–442.

подавшейся после проигранного процесса в актрисы, благодаря чему сюжетные приключения Выжигина получили новый импульс.

Еще большими возможностями для Булгарина использовать в романе свой тяжёлый опыт обладал судебный процесс о наследстве самого главного героя. Именно особенности правонаследования объясняют странные события в романе и преследования Выжигина его тайными недоброжелателями. В финале воплощающий справедливость идеальный чиновник Петр Петрович Виртутин (прототипом которого послужил М.М. Сперанский) открывает Выжигину его тайну: князь Иван Александрович Милославский, отправляясь на войну, «сделал духовное завещание, в котором назначил 250 000 рублей младенцу, который родится от крестьянской девушки Авдотьи Петровой», оно хранилось все эти годы в Опекунском совете; исполнителем завещания он назначил своего друга, графа Безпечина, и поручил ему отыскать мать и младенца: «В завещании между прочим сказано, что законные наследники тогда только могут воспользоваться этою суммою, когда представят ясные доказательства о смерти младенца, и в таком случае должны платить его матери по смерти по 6000 рублей в год. Когда же в течение тридцати лет не явятся ни крестьянка Авдотья Петрова, ни рожденное от нее дитя, тогда наследники имеют право взять сумму в свое распоряжение» (с. 222). До совершеннолетия Выжигин подлежал опеке, осуществлявшейся назначенным опекуном, графом Безпечиным, который находился под наблюдением учреждения, заведовавшего делами опеки. Первая попытка ближайших родственников Милославского завладеть наследством во время поездки 17-летнего Выжигина в Оренбург объясняется тем, что тот достиг возраста для проведения сделок: в Российской империи права состояния для управления имуществом и заключения договоров начинали применяться с 17 лет с попечителем, с 21 года — без попечителя. После неудачи, спустя годы претендующая на наследство графиня Ничтожина (родственница князя Милославского) снова решила попытаться лишить Выжигина наследства, которое уже превысило миллион. «Графиня подала просьбу об уничтожении духовного завещания, ссылаясь на земскую давность и на то, что деньги, завещанные вам, были не благоприобретенные князем Милославским, а полученные в наследство; и таким образом, вдобавок к своим преследованиям, навязала вам процесс, который едва ли не тягостнее плена у киргизов», — заключает Виртутин, обещая Выжигину помощь и поддержку (с. 224). Отказавшись под угрозами продать свое право на наследство за 20 тыс. руб., Выжигин решает ввязаться в тяжбу, надеясь на правосудие. В финальных

главах романа (XXIX, XXXII–XXXIII) Булгарин показал сам тяжёлый механизм рассмотрения наследственного дела в столичных судебных инстанциях — от посещения секретаря, берущего взятки и заверяющего представителей соперничающих сторон: «Ваше дело совершенно правое! <...> Поезжайте домой и будьте спокойны!» (с. 194), до выбора ходатая по делу и обработки судей.

Глава XXXII содержит своеобразную галерею ходатаев по делам: это поляки Дурачинский, Крючковторский, Хапушкевич, малороссиянин Загадченко и русский ходатай, Пафнутий Сидорович Рубоперин, которому и доверяет вести свое дело Выжигин. В России до реформ 1860-х гг. и введения гласного суда адвокатов не было, поэтому в романе эти персонажи именуются ходатаями, когда действие происходит в Петербурге, а вот когда речь идет о присоединенных польских землях — пленipotентами или адвокатами. Возможно, в этих характеристиках современники узнали их прототипов, по крайней мере, это можно утверждать о первом из них. В записке в III отделение сообщалось о прототипе Дурачинского: «Здесь около 10 лет находится молодой поляк по фамилии Рачинский. Сначала находился он в беднейшем положении и существовал карточною игрою или, сказать, аферами. Около 5 лет назад он определен был на службу по Коллегии иностранных дел и послан несколько раз в Вильну и Варшаву, куда дважды ездил еще в отпуск. По возвращении оттуда каждый раз были замечаемы у Рачинского большие деньги, из коих он много и проигрывал <...> Он есть тот самый, которого Булгарин называет в романе “Выжигин” *Дурачинским*» [1, с. 399].

Представленное в этой же главе описание посещения Выжигиным судей (Дремотунова, Формина и Чувашина) включает не менее колоритные сатирические характеристики — по совету Виртутина Выжигин раздает записки с изложением своего дела и старается каждому из них объяснить его суть. Этот эпизод также имеет экстаралитературный источник: в судебном процессе о наследстве Жуковского и Булгарин, и другие участники процесса перед слушаниями дела в Сенате или в Государственном совете подавали свои поясняющие записки, по сути — ходатайства: в архивах сохранились ходатайства, поданные Булгариным: министру юстиции Д.И. Лобанову-Ростовскому (1822 и 1823)¹¹, товарищу министра юстиции, сенатору кн. А.А. Долгорукову (1827)¹², временно исполнявшему обязанности министра внутренних дел Д.Н. Блудову (1830)¹³.

¹¹ ОР РНБ. Ф. 859. К. 4. № 14. Л. 23–24; ИРЛИ. 3159; ИРЛИ. Р. I. Оп. 2. № 374. Л. 1–2.

¹² РГИА. Ф. 1347. Оп. 65. Ед. хр. 1070. Л. 1863–1864.

¹³ РГИА. Ф. 1101. Оп. 2. Д. 323.

Единственной опорой в надежде на справедливость, таким образом, оказывается не закон, а провидение: «Верь Провидению, друг мой, и не отчаивайся никогда в правосудии. Оно, рано или поздно, проглянет, как солнце из туч» (с. 238), — напутствует Выжигина мудрый Виртутин, итог выжигинской тяжбы подтверждает эту истину: «Провидение спасло меня: дело решено в мою пользу — и я вдруг получил более миллиона рублей» (с. 235). Несмотря на это, финал романа вносит оптимизм, дополняя рассмотренный нами тематический сюжет. Друг отца, граф Безпечин, принимает Выжигина на должность правителя своей канцелярии, а чиновничьей премудрости его учит чиновник Законенко, предлагая Выжигину набор из нескольких всеобщих решений, годящихся для всех дел:

Сделать справку и доложить в свое время; поступить по существующему порядку <...> и т. п. На частные жалобы отвечать еще легче, например: просить по порядку, буде имеет право; приобщить к делу; препроводить куда следует; ожидать окончания дела; справившись, доложить; испросить мнения местного начальства; подтвердить прежнее заключение; а лучше всего: по неимению уважительных причин, отказать, отказать, отказать — это и коротко и ясно! (с. 242).

Уходя в отставку, Выжигин подытоживает, что если по этой методе они не сделали много добра, «то, по крайней мере, не делали зла с умыслу и защищали правых, как могли» (с. 243). Доведя повествование до современности, Булгарин (пусть иронически) устами начитавшегося пророчеств в Брюсовом календаре старого дяди Миловидина предсказывает, что скоро в России «на основании, водворенном просвещением, возникнет правосудие повсюду, от нижней до верхней инстанции» (с. 245).

2

Хотя в нравоописательном романе из эпохи Отечественной войны 1812 г «Пётр Иванович Выжигин» (1831) судебные процессы, казалось бы, не должны играть столь значительной роли, но упоминания о тяжёбных реалиях, знакомых Булгарину по многолетнему процессу, находим и здесь. К примеру, в разговоре старика Выжигина с графом Хохленковым, где речь идет о некоем «сиротском дельце», вызывающем у Выжигина сомнение в его законности и опасения в нарушении прав сирот¹⁴.

¹⁴ См.: Полн. собр. соч. Фаддея Булгарина: в 7 т. СПб.: В тип. К. Жернакова, [1839].

Роман использует уже знакомые элементы занимательности: тайна рождения невесты Петра Выжигина, Лизы, ее борьба с недоброжелателями за свое доброе имя и за наследство отца, князя Пречистенского (имение и полторы тысячи душ). Этим обусловлено введение в повествование истории судебного процесса, призванного утвердить Лизу в правах происхождения. (Напомним, что одним из следствий большого процесса за наследство Жуковского было уголовное дело о законнорождении одного из претендентов на наследство Антония Парчевского.) Разгадку тайны своей невесты Петр Выжигин узнает, случайно прочитав в присутственном месте «прислительскую записку по тяжбному делу» (с. 189). Рассказ о процессе Булгарин предваряет характеристикой участников столичных тяжб, выходцев из присоединенных польских земель, завсегдатаев петербургского салона Ромбалинских, представляющих собой «голодную толпу адвокатов» с их помощниками, секретарями и писцами, составлявшими себе *«благоприобретенные имения»* (с. 183–184), — таким способом возвращая читателя к хорошо знакомому автору судебно-правовому контексту.

Булгарин и в этом романе продолжил критику ходатаев, игравших немаловажную роль в судебных процессах (таковы поднявшийся из крепостных до титулярного советника секретарь князя Гаврила Ходаков и Панкратий Переносчиков). Финал романа неизменно предполагал конец тяжбы, но на пути к счастливой развязке истории главных героев актер успел рассказать о махинациях ходатаев, придуманном мелкими участниками процесса механизме опеки для управления имением разорившегося князя Курдюкова и уплаты долгов, таким образом, чтобы князь не бедствовал, «заимодавцы с радостью стали бы уступать проценты и даже часть капитала, чтоб только скорее развязаться», а самим опекунам можно было бы извлечь выгоду: «за наличные деньги приобрести дешево векселя, если б кто захотел войти в спекуляции...» (с. 215). Это были отголоски итогов процесса по поводу наследства Жуковского, участники которого в течение долгого времени не могли получить желаемого из-за волокиты с очищением имений от долгов и многочисленных жалоб на злоупотребления опеки. Булгаринская просветительская сатира становилась более дифференцированной в изображении судебно-правовой системы, насыщаясь новыми конкретными деталями, с которыми знакомился автор.

Т. 4: Петр Иванович Выжигин. С. 44. Далее при ссылках на это издание в тексте в круглых скобках указываются страницы.

Если в «Петре Ивановиче Выжигине» бесчестные ходатаи — источник страданий и несчастий героев, то в следующем романе «Памятные записки титулярного советника Чухина, или Простая история обыкновенной жизни» (1835) сын бедного «повытчика», мелкий судебный чиновник Вениамин Чухин, сам становится главным героем и рассказчиком своей истории. Несмотря на сохранившийся и в этом романе прежний арсенал занимательности, теперь завязка сюжета уже непосредственно основана на нарушении тайны судебного разбирательства, из-за чего пострадал, потеряв должность и свое честное имя, умирающий в начале романа отец главного героя (судебный секретарь продал переписанные им тяжёбые бумаги одной из спорящих сторон, о чем узнали соперники, и разразился судебный скандал). Таким образом, в центре повествования оказывается проблема репутации человека в обществе, «общего мнения» и его влияния на судьбы людей. Все центральные персонажи романа, включая женские, проходят испытание потерей честного имени. Только заступничество таинственного незнакомца позволяет оставшемуся в нищете после смерти отца Чухину-младшему не погибнуть и при покровительстве справедливого вельможи Стамбулова получить место судебного чиновника. Это дает возможность Булгарину включить в роман развернутую инструкцию для начинающего чиновника, которую дает Стамбулов неопытному Чухину, важным элементом в ней является знание и соблюдение законов: «Надобно, чтоб в решении не было ни одного выражения, которое можно было бы перетолковать по произволу, надобно притом, чтоб все важные обстоятельства дела были выставлены на вид, опровергнуты или подкреплены законами»¹⁵. Однако именно безусловное исполнение законов, обусловившее справедливое решение сложной тяжбы, приводит Чухина к ненависти сослуживцев и, вследствие их клеветы, — к потере профессиональной репутации и честного имени.

Этот последний завершённый булгаринский роман, пожалуй, самый «задушевный» и наиболее пессимистичный: умирает справедливый и неподкупный Стамбулов, поступавшие по совести герои оказываются гонимы обществом, заслужив дурную репутацию. Тем не менее Булгарин вновь попытался предложить читателю некую жизненную программу, являющуюся гарантом достижения счастья в мире, мало для этого приспособленном, при этом он впервые довольно скептически говорит о скором нравственном прогрессе

¹⁵ Полн. собр. соч. Фаддея Булгарина: Новое, сжатое (компактное), исправленное и умноженное: в 7 т. СПб.: В тип. К. Жернакова, 1843. Т. 3: Записки Чухина и Мазепа. С. 70–71.

человечества, полагая, что это дело слишком далекого будущего. Утверждаемые в романе ценности имеют преимущественно светский, а не религиозный характер. Гражданская жизнь, полагает он, требует главенства закона над милосердием: судебные тяжбы, представленные в романе, и их итоги должны были заставить читателя усомниться в правоте одних лишь благих намерений, основанных на вере в добрую природу людей.

Следующим шагом стало уточнение Булгариным представлений об издержках российской системы судопроизводства и предложение путей ее оздоровления: вновь обратившись к образу ходатая по делам в 1840-е гг., он уделил особое внимание роли адвокатуры. После появления в 1842 г. во Франции первого романа-фельетона «Парижские тайны» Э. Сю, уже в следующем году Булгарин (предупредив читателей, что не собирался подражать французскому источнику) начал еженедельную публикацию в «Северной пчеле» своего романа-фельетона «Петербургские нетайны»¹⁶. Во второй главе, под названием «Адвокат» (№ 272 от 2 декабря) Булгарин предложил читателю сравнительную социологическую характеристику служителей судебно-правовой системы, вписанную в общеевропейский контекст:

В русском судопроизводстве, как известно, нет адвокатов, и даже нет этого слова. Там, где существуют адвокаты, от них требуется весьма много и более всего основательного познания юридической части со всеми вспомогательными науками, и даже ученого академического знания. Ученый, красноречивый и честный адвокат — есть важное звено в гражданской цепи Западной Европы. Адвокат есть законный защитник имущества, чести и даже жизни каждого гражданина, попечитель сирого и неимущего. <...> У нас место адвокатов заступают *поверенные* и *ходатаи по делам*. Они не составляют у нас особенного сословия; для них нет положительного и определенного места в гражданской иерархии.

Булгарин сетует, что никого не интересует образовательный уровень такого «законоведца», руководствующегося только волей и интересами своего верителя.

Последняя попытка большого эпического произведения, посвященного осмыслению современной российской действительности, была предпринята Булгариным совместно с Н.А. Полевым в 1845 г.,

¹⁶ Булгарин Ф.В. Петербургские нетайны: (Небывальщина вроде правды, из записок петербургского старожила) // Северная пчела. 1843. № 266, 272, 278–279, 284, 289, 293–294. 25 нояб., 2, 10–11, 17, 23, 30–31 дек.

когда на страницах «Библиотеки для чтения» началась публикация романа «Счастье лучше богатства»¹⁷, оставшегося незавершенным из-за смерти Полевого.

Модель судьбы главного героя Александра Сергеевича Опенкова мало чем отличается от судеб персонажей предыдущих булгаринских романов — его несет поток жизни, превратности фортуны позволяют показать различные социальные слои, способствуя многосторонности в изображении русской действительности. В романе без ретуши показан путь приобретения капитала людьми из низов, их наглость, напористость, умение рисковать, опровергая укоренившееся представление о том, что Булгарин и Полевой создавали лишь положительные образы представителей среднего сословия. В их совместном романе исследуется проблема коррупции и показан процесс сращивания капитала, принадлежащего мошеннику-откупщику, с государственной властью. В самом способе художественного осмысления проблемы видна явная полемика с Гоголем (известно, что Булгарин не раз упрекал Гоголя в незнании именно этих общественных реалий, полагая, что и комедия «Ревизор», и «Мертвые души» основаны на интриге, абсолютно фантастичной и неправдоподобной, далекой от реалий русской жизни¹⁸). Роман «Счастье лучше богатства» основан на многочисленных подробностях реальной российской практики дачи взяток, создания совместных компаний и предприятий, пожертвований на общественные нужды во имя корысти, превращения в монополистов через уничтожение конкурентов и приобретение предприятий на подставных лиц. Таков образчик восхождения к заветной цели благодетеля Опенкова, винного откупщика Ивана Ильича, которому герой отдан в услужение. Полемически противопоставляя свой роман гоголевским произведениям, Полевой и Булгарин старались привлечь внимание к тем процессам, которые им казались наиболее угрожающими стабильности России при любом политическом режиме и социальном порядке. С их точки зрения, объектом внимания писателя должны быть именно такие социальные моменты, требующие существенных реформ, — эстетический эффект ставился в прямую зависимость от общественной эффективности текста.

Роман воссоздавал обширные пласты русской жизни 1810–1820-х гг., рисуя широкую картину всеобщей российской коррупции, описы-

¹⁷ Булгарин Ф.В., Полевой Н.А. Счастье лучше богатства // Библиотека для чтения. 1845. Т. 68. Отд. I. С. 101–260; Т. 69. Отд. I. С. 9–156; 1847. Т. 80. Отд. I. С. 13–108; Т. 81. Отд. I. С. 1–32; Т. 82. Отд. I. С. 73–102.

¹⁸ См., к примеру: Ф.В. [Булгарин Ф.В.] Журнальная всякая всячина // СП. 1854. № 181. 14 авг.; 1855. № 267. 5 дек.

вая различные виды и способы дачи взяток, разоблачая систему опекуинства. Сирота Опенков, как своеобразный трикстер, проходит все круги ада, все социальные слои от жизни у опекуна к службе у винного откупщика, а затем все виды науки приказного канцеляриста, поступив, наконец, в губернскую канцелярию и получив чин 14-го класса. Однако в итоге из-за происков недоброжелателей он попадает в долговую тюрьму. Читатель оказывается свидетелем различных тяжёбных процессов в провинции, Москве и Петербурге, знакомится с разрядами и типами ходатаев по делам как главного приводного механизма судебно-исполнительной системы. Четвертая (последняя) часть незавершённого романа, без сомнения, написанная Булгариным, открывалась уже знакомым размышлением о необходимости адвокатуры в современном государстве:

В тех государствах, где введено открытое судопроизводство и публичные прения тяжущихся сторон, существует особое сословие адвокатов, признанное правительством, под надзором особого совета и старшин, избираемых адвокатами из своего же сословия. <...> Адвокаты вообще имеют сильное влияние на своих сограждан и в представительных правлениях, где познания и красноречие прокладывают дорогу к счастью, адвокаты достигают до высших мест в государстве¹⁹.

Пройдя путь искушений, разочарований и ошибок, «маленький человек» Булгарина и Полевого обретает любовь, заботу и поддержку в семье немца-учителя. Жизненный уклад российского немецкого семейства противопоставлен неустроенной, лишённой порядка русской жизни. В свое время, во время антинаполеоновской кампании, оказавшись в Германии, Опенков, пораженный высоким уровнем жизни, мечтает: «И у нас, без всякого сомнения, будет когда-нибудь то же, но это *когда-нибудь* зависит от просвещения», именно оно, считает он, «поставило Германию на высшую ступень благоденствия!.. А сколько в нашей России еще не возделанных материалов для счастья и богатства!»²⁰ Круг идей и утверждаемых в романе ценностей сделал его очередным воплощением булгаринской философии «здравого смысла», предлагавшей «среднему» человеку не подвиги духа, а доступное и понятное человеческое счастье. Роман прикоснулся к довольно сложной и неоднозначной проблеме

¹⁹ Булгарин Ф.В., Полевой Н.А. Счастье лучше богатства // Библиотека для чтения. 1847. Т. 81. Отд. I. С. 1–3.

²⁰ Там же. Т. 80. Отд. I. С. 39.

национального бытия, периодически со всей остротой встающей перед русским обществом.

Освоенная Булгариным, наряду с другими отечественными писателями, форма романа-фельетона обладала значительными возможностями для реалистического осмысления современной действительности, в том числе таких важных ее сторон как судебно-правовая система. Несмотря на открытые литературой новые принципы художественного контакта с подобной проблематикой, нашедшие выражение в «фантастическом» (по определению самого автора) реализме Ф.М. Достоевского, пути, намеченные романами Булгарина, предполагавшие изображение «эмпирики жизни» и знание подлинных судебно-правовых реалий, не будут забыты. Их продолжат роман-фельетон В.В. Крестовского «Петербургские трущобы» (1864–1867), пьеса И.С. Аксакова «Присутственный день в уголовной палате» (1853, опубл. 1858) — в предисловии автор называл ее «верной докладной запиской», имеющей «грустное достоинство истины, всё печальное значение факта и смысл обличительного документа»²¹; драматургия А.В. Сухова-Кобылина, положившего свой горький личный опыт в основу пьесы «Дело» (1861), отмеченной скрупулезным исследованием механизма судебного беззакония. Нельзя отрицать роль и значение романов Булгарина как предшественников этих произведений, имеющих «грустное достоинство истины».

Литература

1. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение / публ., сост., предисл. и коммент. А.И. Рейтблата. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 704 с.
2. Грузицкий Ю.Л. Ипотечный кредит в Великом Княжестве Литовском // Белорусский экономический журнал. 2009. № 3. С. 103–111.
3. Лебланк Р. «Русский Жилблаз» Фаддея Булгарина. Литературная преемственность: от Жуи к Лесажу // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 17–57.
4. Лекке М. Путешествие Пана Подстолия через Вильну в Россию. Фаддей Булгарин и польский бытовой роман // Ф.В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик / ред.-сост. А.И. Рейтблат. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 127–145.

²¹ Аксаков И.С. Письма из провинции. Присутственный день в уголовной палате. М.: Правда, 1991. С. 420. По-булгарински звучат слова Аксакова, обращенные к читателям: «Пусть знакомятся они с изнанкою той жизни, которой лицевую сторону представляют законы, пусть знают, каким порядком по большей части совершается современный суд в России. В верности моего изложения <...> поручится всякий, кому известен судебный быт не только столичный, но и провинциальный, не по одним книгам и законам, но на самом деле и по опыту» (Там же. С. 421).

5. *Лунатов А.В.* Возникновение польского просветительского романа: Проблемы национального и общеевропейского. М.: Наука, 1974. 302 с.
6. Поляки в Петербурге в первой половине XIX века / сост., предисл., примеч. А.И. Федуты. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 912 с.
7. *Покровский В.А.* Проблема возникновения русского «нравственно-сатирического» романа: (О генезисе «Ивана Выжигина»). Л.: Изд-во АН СССР, 1933. 36 с.
8. *Тихонравов Н.С.* Сочинения: в 3 т. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1898. Т. 1. 596 с.
9. *Czernobajew W.* Ignacy Krasicki w literaturze rosyjskiej // Pamiętnik Literacki. 1936. № 1. S. 41–62.

Research Article

The Reflection of the Realities of Russian Legal Proceedings in F.V. Bulgarin's Novels

© 2026. Natalia N. Akimova

St. Petersburg Repin Academy of Fine Arts

St. Petersburg, Russia

Abstract: This article examines the literary refraction in F.V. Bulgarin's novels of autobiographical realities related to his participation in a family court case. The experience accumulated over many years of litigation allowed Bulgarin to reveal the mechanism of legal proceedings in pre-reform Russia. In his first moral-satirical novel, "Ivan Vyzhigin," he draws largely on the satirical traditions of Russian and European Enlightenment literature. Later, in the feuilleton novel, Bulgarin offers a more complex analysis of the Russian justice system, comparing it with the European system proving the necessity of advocacy as an essential element of adversarial legal proceedings.

Keywords: F.V. Bulgarin, 19th-century Russian literature, moral-satirical novel, feuilleton novel, legal proceedings, trial.

Information about the author: Natalia N. Akimova, DSc in Philology, Professor, Head of the Department of Humanities and Philosophy, St. Petersburg Repin Academy of Fine Arts, Universitetskaya Emb., 17, 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: akimova_natalia@inbox.ru

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-2195-5903>

For citation: Akimova, N.N. "The Reflecrion of the Realities of Russian Legal Proceedings in F.V. Bulgarin's Novels." *Literaturnyi fakt*, no. 2 (40), 2026, pp. 129–147. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-40-129-147>

References

1. Vidok Figliarin: Pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III Otdelenie [Vidok Figlyarin: Letters and Notes of F.V. Bulgarin to the 3rd Section], publ.,

comp., introd. and comm. by A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 1998. 704 p. (In Russ.)

2. Gruzitskii, Iu.L. "Ipotechnyi kredit v Velikom Kniazhestve Litovskom" ["Mortgage Loan in the Grand Duchy of Lithuania"]. *Belorusskii ekonomicheskii zhurnal*, no. 3, 2009, pp. 103–111. (In Russ.)

3. Leblank, R. "“Russkii Zhilblaz’ Faddeia Bulgarina. Literaturnaia preemstvennost’": ot Zhui k Lesazhu" ["“Russian Gil Blas’ by Faddeus Bulgarin. Literary Continuity: From Jouy to Lesage”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 40, 1999, pp. 17–57. (In Russ.)

4. Lekke, M. "Puteshestvie Pana Podstoliia cherez Vilnu v Rossiiu. Faddei Bulgarin i pol'skii bytvoi roman" ["The Journey of Pan Podstoli through Vilna to Russia. Faddeus Bulgarin and the Polish Everyday Novel"]. *F.V. Bulgarin — pisatel', zhurnalist, teatral'nyy kritik* [F.V. Bulgarin — Writer, Journalist, Theater Critic], ed. A.I. Reitblat. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019, pp. 127–145. (In Russ.)

5. Lipatov, A.V. *Vozniknovenie pol'skogo prosvetitel'skogo romana: Problemy natsional'nogo i obshcheevropeiskogo* [The Emergence of the Polish Enlightenment Novel: Problems of National and Pan-European]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 302 p. (In Russ.)

6. Poliaki v Peterburge v pervoi polovine XIX veka [Poles in St. Petersburg in the First Half of the 19th Century], comp., introd. and ref A.I. Feduta. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 912 p. (In Russ.)

7. Pokrovskii, V.A. *Problema vozniknoveniia russkogo "nравstvenno-satiricheskogo" romana: (O genezise "Ivana Vyzhigina")* [The Problem of the Emergence of the Russian "Moral-satirical" Novel: (On the Genesis of "Ivan Vyzhigin")]. Leningrad, Academy of the Sciences of the Soviet Union Publ., 1933. 36 p. (In Russ.)

8. Tikhonravov, N.S. *Sochineniia: v 3 t.* [Works: in 3 vols.], vol. 1. Moscow, Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovykh, 1898. 596 p. (In Russ.)

9. Czernobajew, W. "Ignacy Krasicki w literaturze rosyjskiej." *Pamiętnik Literacki*, 1936, no. 1, pp. 41–62. (In Polish)

Статья поступила в редакцию: 19.03.2026
Одобрена после рецензирования: 12.05.2026
Дата публикации: 25.06.2026

The article was submitted: 19.03.2026
Approved after reviewing: 12.05.2026
Date of publication: 25.06.2026